

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Р. Р. Каримов, Ю. В. Бондаренко

**ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО: ФОРМИРОВАНИЕ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НА ПУТИ К ПРАВОВОМУ
ГОСУДАРСТВУ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)**

Учебное пособие

Уфа 2019

УДК 340.12: 321.01 (470)(091)(075.8)

ББК 67.1 (2) я73

К 23

*Рекомендовано к опубликованию
редакционно-издательским советом Уфимского ЮИ МВД России*

Рецензенты: кандидат юридических, доцент К. А. Орлов (Уральский юридический институт МВД России); И. М. Гаскаров (Отдел полиции № 3 Управления МВД России по г. Уфе)

Каримов, Р. Р., Бондаренко, Ю. В.

К 23 Государство и общество: формирование взаимоотношений на пути к правовому государству (историко-правовой аспект) [Текст]: учебное пособие / Р. Р. Каримов, Ю. В. Бондаренко. – Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2019. – 56 с.

ISBN 978-5-7247-1003-9

В учебном пособии проводится анализ становления правовой государственности и формирования гражданского общества в России. Рассматриваются проблемы взаимодействия государства и общества.

Учебное пособие предназначено для обучающихся образовательных организаций системы МВД России и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 340.12: 321.01 (470)(091)(075.8)

ББК 67.1 (2) я73

© Каримов Р. Р., 2019

© Бондаренко Ю. В., 2019

©Уфимский ЮИ МВД России, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
§ 1. Правовое государство в истории политico-правовой мысли России...6	
§ 2. Государство, общество, Церковь в России: опыт и проблемы взаимо- действия	18
§ 3. Правовое государство и общество в современных условиях	33
Заключение	45
Список использованной литературы	49

ВВЕДЕНИЕ

Государство и общество – это два взаимосвязанных понятия. Отношения между государством и обществом касаются качества взаимоотношений государственных учреждений и общественности. Одним из важнейших принципов деятельности любого государства является принцип законности. Этот принцип вытекает из общественного договора, который определяет, что государства будут делать для защиты общественных интересов и прав граждан и от каких свобод общественность может отказаться. Например, при демократии государство соглашается интегрировать общественность в процессы принятия решений и предоставлять государственные услуги. Взамен общество соглашается отказаться от некоторых своих свобод, чтобы следовать верховенству закона государства. Государство осуществляет свою власть, свои права и обязанности по отношению к людям, составляющим общество. В то же время современная международная обстановка характеризуется беспрецедентным ростом угроз и вызовов, которые создают реальную опасность общепризнанным правам и свободам человека, существованию некоторых государств, стабильности международных отношений¹.

Государство – это организованное политическое сообщество, которое создает соответствующие институты для управления процессами, происходящими в обществе. Такие институты могут быть как формально-определенными, так и нет. Официальные государственные структуры управляют экономическими, политическими и социальными вопросами страны. Вместе с тем ни одно правительство не может заполнить все социальные ниши, необходимые для обеспечения жизнедеятельности общества. В большинстве современных социумов неформальные негосударственные структуры управления предшествуют существованию государства. Неформальное управление существует в каждой стране. Различные социальные институты помогают решать общественные проблемы и нужды человека. Например, религиозные и общинные организации в каждой стране играют важную роль в решении различных задач. Так, Церковь во многих государствах участвует в формировании правовой культуры и идеологии. Религия и государство на протяжении многовековой истории человечества постоянно сопутствуют друг другу. Государство играет важную роль в защите и поддержании религиозной свободы и в укреплении роли церкви в обществе. К счастью, большинство правительств в мире сегодня признают, по крайней мере, некоторую степень религиозной свободы и обеспечивают своим гражданам право отправлять религиозные

¹ Нигматуллин Р. В. О противодействии угрозам и вызовам с позиции современного международного права // Юридический мир. 2016. № 11. С. 54.

обряды и исповедовать свою религию в соответствии с требованиями своей совести. Все это положительно влияет и на формирование правовой культуры общества.

Следует отметить существование множества взглядов на сам термин «общество». Так, Томас Гоббс и Джон Локк утверждали, что общество является не делом природы, а скорее результатом общественного договора. Для Гоббса состояние природы было естественным порядком, в котором люди следовали своим эмоциям, а не разуму. Такие люди будут бороться по принципу «против всех», чтобы защитить свою свободу. Им потребуются соглашения для установления мира, а затем учреждение для его сохранения. Это учреждение возникло на основе договора между физическими лицами. Тогда и только тогда свобода человека могла процветать под защитой государства, которое сохраняло мир и охраняло гражданское общество¹.

Необходимо сказать, что социально-политическая раздробленность и слабое гражданское и межгрупповое доверие часто являются характеристиками нестабильных ситуаций в государстве. Такая раздробленность может способствовать и быть результатом хрупкости государственной власти и межсоциальных конфликтов. Они подрывают государство, его легитимность, мешают формированию сильных общегосударственных систем управления, ослабляют межличностное доверие и разделяют общество.

В государственном строительстве важно учитывать и понимать роль государства. Слабость и государственное и частное насилие в ограничении гражданской активности могут привести к подрыву социально-политической сплоченности нации.

Важно отметить, что все государства развивались по-разному. Некоторые вышли из родоплеменного строя, другие – из колониализма. История и эволюция государства влияют на то, как государство относится к обществу и своему населению сегодня. Некоторые видят роль государства как поставщика услуг обществу. Общество поддерживает государство, если видит его на защите своих интересов. Другие рассматривают общество как поставщика услуг государству. В основе такого подхода лежит монополия силы и способности государства принуждать общество. Но нельзя забывать, что и общество может бросить вызов государству, которое считает нелегитимным. Для недопущения подобных конфликтов государство и общество должны активно взаимодействовать для того, чтобы в итоге сформировать правовое государство.

¹ <https://www.globalpolicy.org/compoNeNt/coNteNt/article/177/31603.html>.

§ 1. ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО В ИСТОРИИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ РОССИИ

Формирование теории правового государства получает мощный импульс в эпоху развития буржуазных отношений и последующих буржуазных революций, прежде всего в трудах таких выдающихся мыслителей и представителей естественно-правовой школы, как, Г. Гроций, Б. Спиноза, Т. Гоббс, Д. Локк, Ш. Монтескье, П. Гольбах, Т. Джейфферсон и другие.

Общим знаменателем в различных теориях стало представление о правовом государстве как о такой политической организации, в которой отношения властовования осуществляются не иначе как на основании закона и в рамках закона в интересах обеспечения прав и свобод человека.

Однако поиск наиболее справедливой и правильной формы политической организации, вопросы отношений власти и закона волновали и мыслителей античности. Сократ, Аристотель, Платон, Цицерон обращались к вопросу построения наиболее гармоничного общества через такое соотношение закона и государственной власти, где закон будет общеобязателен как для граждан, так и для самого государства. Только та власть, что подчинена закону, может считаться справедливой.

Обращаясь к истории отечественной политico-правовой мысли, истоки вопроса должной организации власти мы находим в самом раннем литературном произведении – «Слове о законе и благодати» митрополита Иллариона, датируемом XI веком. В своем произведении автор поднимает, прежде всего, вопросы богословского характера, однако значительное место занимают и рассуждения Иллариона о роли закона в жизни русского общества через призму соотношения «закона и благодати». Закону противопоставляется вера, как непосредственное отношение между Богом и человеком. Под законом понимается высшее установление – предписание, регулирующее насильственными мерами поведение человека в обществе. Исходит это установление непосредственно от Бога или, по Его внемлению, от избранных им лиц (пророка, правителя и т. д.). А истинный владыка для Иллариона – это мудрый правитель, который, познав тяготы мирской жизни, познал и свет веры, приняв Христово учение и правя как сильный, мудрый и справедливый на благо Руси.

Для русской философии X – первой половины XVIII века в определении не только основ миропорядка, но и общественно-политического

бытия характерно определяющее значение религиозного мировосприятия, что и неудивительно, так как к мировому философскому наследию Русь приобщалась через установки и концепции средневековой Византии, и русские мыслители знакомились впервые с наследием греческой философии уже в христианизированном ее варианте. Говоря об этом, В. В. Зеньковский отмечает, что «русская мысль всегда (и навсегда) осталась связанной со своей религиозной стихией, со своей религиозной почвой»¹.

Определяющее значение христианского учения для жизни и исторической судьбы русского народа, о чем писал Илларион, прочно укоренилось в русской философии права. Тем более, что право в русском сознании приобрело смысл, близкий к правоте и даже праведности, закон соотносился в сознании русского человека с пониманием правды и справедливости, ибо закон выступал в значении слова «завет», что наделяло его неким сакральным смыслом. Чисто формальное отношение к правовым нормам, присущее западу, было чуждо исторической культуре русского народа. В русской философской и юридической литературе нормы соотносятся с идеалами, а не формальными нормативами, ибо норма должна стремиться к гармонии отношений человека к человеку, обществу, государству.

В условиях становления и развития самодержавия восприятие закона соотносилось исключительно волей государевой, которая была выше самого закона. Уже при Иване IV окончательно утвердилась законодательная формула: «Царь указал и бояре приговорили». При том, что именно в правление Ивана IV получила начало практика созыва Земских соборов как сословно-представительного органа, на которых принимались законы. Самым выдающимся правовым актом эпохи Земских соборов было Соборное уложение Алексея Михайловича 1649 г., где были собраны воедино действующие царские указы и боярские приговоры, правовые нормы Судебников 1497 и 1550 гг., а также другие источники права.

С началом абсолютизма в Петровскую эпоху конструкция самодержавной власти претерпела определенные изменения, выраженные Феофаном Прокоповичем в его труде «Правда воли монаршей»: «Его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответить не должен». Вместе с тем активное обращение к западной культуре, присущее данной эпохе, во многом способствовало постепенному воспри-

¹ Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 1. Ч. 1. Л., 1991. С. 12.

ятию идеи определенного законом правового порядка. Но в условиях абсолютизма законотворчество являло собой прерогативу монарха. Царь издавал указы или утверждал акты, являвшиеся по своему значению законами.

Попытка возрождения идеи созыва сословно-представительного органа и его участия в обсуждении различных государственных вопросов, в том числе и состояния законов, была предпринята Екатериной II под влиянием трудов французских просветителей – Монtesкье, Вольтера, Дидро и других. Итогом чего стал созыв Уложенной комиссии в 1767 г., куда вошли представители от дворянства, городов, правительственные учреждений, государственных крестьян, казачества, национальных групп, ведущих оседлый образ жизни, то есть от всего населения страны (за исключением духовенства, частновладельческих крестьян, кочевников и солдат, не занимавшихся пахотой). Однако в условиях усиливающегося абсолютизма итоги работы комиссии оказались ничтожны.

Идеи конституционного ограничения самодержавной власти получили свое воплощение в трудах виднейшего политического деятеля первой половины XIX века М. М. Сперанского, разрабатывавшего проект политического переустройства России. Усовершенствование российского порядка виделось М. М. Сперанским через установление принципа разделения властей, воплощением чего должна была стать конституционная монархия, где законодательная власть государя ограничивалась бы представительным законодательным собранием – Думой. И сам монарх не вправе был бы единолично принимать или отменять законы, и властвовать обязан был не иначе как на основании закона. М. М. Сперанский утверждал что законы, а не люди должны управлять государством. Поданным должны быть предоставлены политические и гражданские права.

Именно Сперанскому изначально было поручено Александром II составление проекта по созданию Государственного совета. Однако замыслам Сперанского по созданию парламентского учреждения не дано было воплотиться в жизнь. Воплотить в жизнь было дозволено лишь слабое подобие задуманного – образованный в 1810 году Государственный совет получил только ограниченные законосовещательные функции, не умалявшие императорские прерогативы в законотворчестве: «Никакой Закон, Устав и Учреждение не исходит из Совета и не может иметь своего совершения без утверждения Державной Власти».

Общественно-политические направления, сложившиеся в России в XIX веке, активно выступали за создание представительных законодательных органов, которые хотя бы частично реализовывали идею разделения властей. При этом славянофилы оказывали предпочтение традиционным российским формам законодательства (Земские соборы, Боярские думы, вечевое и земское самоуправление), а западники (Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин и другие) отстаивали формы, присущие западному парламентаризму.

Ряд конституционных проектов, в том числе подготовленных при участии отдельных представителей разных общественно-политических направлений, носили половинчатый характер. Среди них – конституция, написанная еще в XVIII в. Н. И. Паниным совместно с Д. И. Фонвизиным (она предлагала передать законодательную власть Верховному Сенату, состоящему из выборных представителей дворянства и лиц, назначаемых царем), конституционная хартия Н. Н. Новосильцева (1820 г.), конституционные проекты П. А. Валуева (1863 и 1866 гг.), основанный на них проект М. Т. Лорис-Меликова, одобренный Александром II за несколько дней до гибели (он предусматривал создание представительного органа, часть членов которого назначалась, а часть избиралась для обсуждения проектов законов). Все эти проекты в конечном счете отвергались. Даже предложение выдающегося дипломата Н. П. Игнатьева о созыве Земского собора вызвало такой отпор со стороны правящей верхушки, что Александр III вынужден был отправить в отставку царедворца с поста министра внутренних дел.

Приверженцем концепции естественного права являлся А. Н. Радищев, который разделял мнение Ж.-Ж. Руссо о том, что издавать законы призван народ. Закон трактовался им как средство достижения свободы человека, чей разумно понятый интерес совпадает с общественным интересом, отраженным в законе.

Идеи Радищева получили развитие в программных документах декабристов. Конституция Н. М. Муравьева предусматривала ограничение царской власти созданием высшего законодательного органа – двухпалатного Народного вече. «Русская Правда» П. И. Пестеля утверждала идею республиканского устройства, при котором все правительственные акты принимаются с ведома народа и при совете с ним.

Н. А. Бердяев, П. И. Новгородцев, Б. П. Вышеславцев, И. А. Ильин и др. рассматривали право в единстве с религиозно-нравственными вопроса-

ми, для которых было характерно органическое родство правовых и нравственно-религиозных исканий.

Более того, особенностью русского философского мышления был не просто глубокий интерес к вопросам веры и нравственности, а доминирование религиозно – нравственной установки при анализе многих других проблем. П. И. Новгородцев: «Если мы зададимся вопросом, чем определяются отдельные эпохи в развитии философии права и философии вообще, то ответ нам следует искать в ведущих предпосылках, образующих коренные основы человеческой жизни и мышления. Едва ли кто-нибудь станет оспаривать, что глубочайшие межи, отделяющие одну философскую эпоху от другой, определяются различным отношением к их религии»¹. Поэтому для России проблема философских и религиозных оснований права была неслучайной. Неслучайно и то, что в качестве главной проблемы русской философии права выступила проблема отношений права и нравственности, проблема отношений закона и добра.

За идеал общественных отношений признается внутренне свободное единство всех людей, единство, достигаемое не принуждением и внешним авторитетом, а только Законом Христовым, когда он станет внутренней природой человека².

Нравственный порядок человеческой жизни, выражющий безусловно должное и безусловно желательное отношение каждого и всего к каждому, т. е. добра в полном смысле слова, и есть Царство Божие, которое и является окончательной целью всякой жизни и деятельности.

Единственный подлинный и совершенный путь к идеалу, как утверждает П. И. Новгородцев, есть свободное внутреннее обновление людей и внутреннее осознание их общей друг за друга ответственности и их всепронизывающей солидарности, что становится возможным лишь милостью Божией как следствие веры и любви, возникающих в человеке лишь Божией благодатью³.

Это положение разделяет и А. С. Ященко, считая, что нравственность может быть основана только на гетерономных моментах: «Обязанность, связанность, императивность для воли может прийти только от начала, находящегося вне этой воли. Чтобы различать в жизни доброе от злого, настоящее от призрачного, истинное от ложного, нужно вложить в

¹ Новгородцев П. И. Сочинения. М., 1995. С. 369.

² Там же. С. 373.

³ Там же.

эту жизнь некий смысл, не зависящий от нашего субъективного усмотрения», ибо «что самозаконно установлено, самозаконно же может быть отменено, – не моими личными побуждениями обусловлено, а находится вне действия моей воли. ... Утверждение же этой высшей воли и абсолютного смысла жизни есть утверждение метафизически-религиозного характера»¹.

В понимании русских мыслителей нравственные начала представляют собой составную часть высшего мирового этического порядка, обусловленного единой разумной Первоосновой. Только обоснование этики на абсолютных началах, находящихся за пределами человеческого опыта, делает возможным создание нормального общества, которое В. С. Соловьев представлял как свободную общинность, где все составляет цель для каждого и каждый для всех.

Однако нравственный интерес требует личной свободы как условия, без которого невозможно человеческое достоинство и высшее нравственное развитие. Человек же не может существовать, аследовательно, и развивать свою свободу и нравственность иначе как в обществе, вбирающем в себя два начала – единичное, выражющееся в отдельных лицах, входящих в союз, и общественное, заключающееся в той связи, которая объединяет эти лица в общество. Отсюда два стремления – к индивидуализму и общности.

Соответственно возникает необходимость, чтобы личная свобода не противоречила условиям существования общества. Этой задаче, признает В. С. Соловьев, не может служить идеал нравственного совершенства, предоставленный свободному личному достижению, ибо он для насущной, практической цели дает слишком много в смысле требования и слишком мало в смысле исполнения: идеал от признающего его требует любви к врагам, но он не может заставить не признающего его требований воздерживаться хотя бы только от убийств и грабежей¹.

В то же время поддержание нормальной жизнедеятельности социума обеспечивается законом принудительным, который имеет действительную силу для всех и «ссылаясь в этом случае на благодатную силу Провидения, долженствующую удерживать и вразумлять злодеев и безумцев, есть

¹ Ященко А. С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912. С. 72.

² Соловьев В. С. Указ. соч. С. 451.

не более как кощунство: нечестиво возлагать на Божество то, что может быть успешно сделано хорошею юстицией»².

Как следствие В. С. Соловьев приходит к выводу о том, что принудительный закон есть необходимое условие нравственного совершенствования и, как таковое, требуется самим нравственным началом, хотя и не есть его прямое выражение. Действительная организация нравственной жизни в человечестве возможна только на почве права и его воплощения – государства.

Нравственная проповедь, лишенная объективных опор в реальной среде, осталась бы в лучшем случае невинным пустословием, а само право, с другой стороны, при полном отделении своих формальных понятий от их нравственных принципов и целей, потеряло бы свое безусловное значение и ничем бы не отличалось от произвола. Вместо нравственного совершенства юридический закон требует низшей, минимальной степени нравственного состояния, лишь фактической задержки известных проявлений безнравственной воли. Но без исполнения этих низших требований нельзя исполнить высших заповедей. Из неограниченной природы нравственных требований вытекает невозможность точно указать, в каких именно действиях должна реализоваться данная нравственная норма. Право, напротив, точно указывает определенные действия, которые должны быть совершены или от которых надо воздержаться. А так как право действует принудительно, то В. С. Соловьев дает в конце концов такое определение: «Право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла»¹. Таким образом, Царство Божие, будучи целью религиозной, тесно связывается в то же время и с юридической организацией общества.

В процессе общественного строительства право определяется вспомогательной ступенью этого развития, которое в представлении русских философов – правоведов само по себе слишком слабо для преобразования жизни². Тем самым праву отводится второстепенная роль.

Однако указанное понимание права не является монистичным. Право определяет те условия общественной жизни, которые оказываются необходимыми для осуществления нравственных идеалов человека, счи-

¹ Соловьев В. С. Указ.соч. С. 450.

² Новгородцев П. И. Указ.соч. С. 373.

тает В. Г. Щеглов, поэтому право не есть только средство для достижения этих идеалов. Указывая на возможную степень выполнения в жизни нравственных идеалов, оно в то же время само составляет их неразрывную часть¹.

В. С. Соловьев утверждал, что совершенное человеческое общежитие должно постепенно реализовываться в истории; могущественным организующим условием этого является право.

Однако, обратившись в традиционном для русской философско-правовой мысли к проблеме соотношения права, нравственности и государства, П. Новгородцев в своей книге «Об общественном идеале» предостерегал об опасности поисков земного воплощения Абсолюта. Он отвергал всякие формы увлечения идеей спасения в ходе истории: «Процесс общественного строительства, развитие права и государства, их стремление к воцерковлению общественной жизни мы не вправе рассматривать с точки зрения земного, человеческого совершенства и земной, человеческой гармонии. Мы не вправе ожидать, что когда-либо на земле настанет такое совершенство и такая гармония, которая преодолела бы все жизненные противоречия в совершенной общественной форме. Для человеческих сил эти противоречия непримиры и непреодолимы. Личность и общность, равенство и свобода, право и нравственность, – поскольку они движутся в рамках исторического развития и человеческих возможностей, – находятся в вечном антагонизме и не допускают окончательного примирения. Лишь будучи пронизаны высшим светом божественной благодати, лишь в последние дни мира, как всеобщей гармонии, какой требует евангельски-христианский закон, лишь в конце мира может быть мыслимо подобное примирение»².

Рассматривая специфику русской философии права, П. И. Новгородцев отмечал, что она состоит в новой оценке задач жизни и культуры. Если западный взгляд пришел при строительстве внешних форм к обожествлению этих форм, признал их божественными и верил в их чудесную всемогущую силу, то русское мировоззрение и русская вера уже с давних времен противопоставляют западному идеалу другой: высшая цель культуры состоит, по русскому взгляду, не в строительстве внешних форм жизни, но в их духовной, внутренней сущности. Не конституции, а рели-

¹ Щеглов В. Г. Нравственность и право в их взаимных отношениях. Ярославль, 1888. С. 96.

² Новгородцев П. И. Об общественном идеале. Вып. 1. Изд. 5-е. Берлин, 1922. С. 12.

гии в представлении великого русского ученого образуют высший продукт духовного творчества и высшую цель жизни. Не государство, а церковь воплощает с величайшей глубиной и полнотой истинную цель истории и культуры¹.

Русская идея не отрицает западные правовые и государственные образования. Она не только признает право и государство, но и обосновывает эти образования, как и внешние формы культуры вообще, но и в своих учениях и пророчествах она придает этим формам лишь второстепенное значение: «Над всеми этими нормами и законами возвышается еще высший трансцендентный закон, высшая заповедь Божия как норма, соответственно которой должна строиться и перестраиваться вся общественная жизнь»².

Вместе с тем русская философия права признавала, что спасение только верою, при полном устраниении «дел закона», есть решение слишком легкое и потому иллюзорное. Сама религия, утверждает И. А. Ильин, как осуществление «царства Божия», невозможна вне права и его признания. Человек имеет естественное и неотъемлемое право на автономное восприятие Божества, на свободное исповедание его и на самодеятельное жизненное осуществление Его воли, как своей собственной... Иметь религию есть право человека и это право,— право быть духом, — лежит в основе всех других его прав. Потребность в религии порождает потребность в духовной свободе, а потому и в правопорядке. Вот почему «...подлинная религиозность может отрицать известное правовое содержание или известный способ правовой организации, но не может отрицать само право в его принципе, не впадая в недоразумение. Право есть необходимая форма духовного бытия человека», а потому «религия, отвергающая положительное право и государство, или сознательно отворачивается от эмпирической жизни человека, или бессознательно упускает из вида объективные свойства этой жизни, самого человека и государства»³.

Теоретическую завершенность русская концепция правового государства получила в произведениях видных правоведов и философов: Н. М. Коркунова, С. А. Котляревского, П. И. Новгородцева, С. А. Муромцева, В. М. Гессена, Г. Ф. Шершеневича, Б. Н. Чичерина, Н. А. Бердяева и других.

¹ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. Вып. 1. Изд. 5-е. Берлин, 1922. С. 376.

² Там же. С. 677.

³ Ильин И. А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 223–224.

Так, Г. Ф. Шершеневич отмечает следующие пути формирования и основные параметры правового государства: 1) для устранения произвола необходимо установление норм объективного права, которые определяют пределы свободы каждого и ограничивают одни интересы от других, в том числе и государственной организации, – отсюда идея господства права в управлении; 2) если личная инициатива требует простора, то государству достаточно ограничиться охраной субъективных прав; 3) чтобы новый порядок не нарушался самими органами власти, необходимо строго определить полномочия последних, отделив от исполнительной власти законодательную, утвердив самостоятельность судебной власти и допустив к соучастию в законодательстве выборные общественные элементы.

В. М. Гессен определяет правовое государство, опираясь на фундаментальные воззрения западной политico-правовой мысли. «Правовым называется государство, которое признает обязательным для себя, как правительства, создаваемые им же, как законодателем, юридические нормы. Правовое государство в своей деятельности, в осуществлении своих правительственные и судебных функций связано, ограничено правом, стоит под правом, а не вне и над ним». В то же время В. М. Гессен вносит определенные корректизы в содержательную сторону правового государства. Он отстаивает свободу законодательной деятельности в том смысле, что государство не связано обычным и законодательным правом, так как нет «вечных» обычай и законов. По самому существу своему законодательная власть не может быть ограничена законом. В этой идее заложено принципиальное практическое положение: законы должны соответствовать уровню зрелости общества, отражать изменяющиеся экономические, социальные, культурные и другие условия общественной жизни, отвечать объективным потребностям ее развития.

С. А. Котляревский придерживается кантовской теории взаимосвязанности и обюдной ответственности государства и личности друг перед другом, гарантией которых является разделение властей. Практическую значимость для современной государственно-правовой жизни имеет его вывод о роли суда как основного органа, обеспечивающего реальную обюдную ответственность государства и личности. Такой суд должен быть конституционным, абсолютно независимым от кого бы то ни было и пользоваться непрекаемым доверием народа. Утрата этого доверия колеблет начала правосудия, а вместе с тем и начала правового государства.

С началом событий первой русской революции 1905–1907 гг. в России произойдут радикальные изменения существующего государственного строя: российский абсолютизм прекратит свое существование с учреждением Государственной думы. Манифестом от 17 октября 1905 г. устанавливалось «как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы». Однако определенным противовесом выборной Думе стал Государственный совет, преобразованный в верхнюю палату российского парламента. Любой закон, одобренный Государственной думой, должен был получить одобрение Государственного совета, прежде чем быть поданным на усмотрение императора. Кроме того, согласно статье 87 «Основных законов Российской Империи» царь имел право единолично издавать законы в перерывах между сессиями Думы, внося их потом на утверждение законодательного органа.

Роспуск Дум I и II созыва и последовавшие изменения в избирательном законодательстве в нарушение закона (избирательный закон не мог быть принят или изменен без согласия Думы) 3 июня 1907 года со всей очевидностью продемонстрировали шаткость нового государственного порядка, не желавшего мириться с ограничением самодержавной власти закона. В этом смысле идея верховенства закона не смогла получить своего фундаментального утверждения. Монарх по-прежнему сохранил за собой большую часть прерогатив, включая одобрение законов. Вместе с тем было положено начало ограничению власти монарха и развитию института парламентаризма.

Еще более радикальные изменения повлекли за собой события Октябрьской революции 1917 года, которая не только сокрушила старый механизм власти, но и отринула важнейшие ценности буржуазного государства, и прежде всего, принцип разделения властей. Превыше формального закона было поставлено «революционное правосознание».

Правовой нигилизм, сосредоточение реальной власти в руках партийно-государственного аппарата, отрыв этой власти от народа привели к полному отрицанию в теории и на практике правовой организации общественной жизни на началах справедливости и в конечном счете установлению тоталитарной, не связанной законом государственности. Советская государственно-правовая наука в период тоталитаризма не воспринимала идею правового государства, считая ее буржуазной, диаметрально противоположной классовой концепции государства.

Советское государство создавалось в конкретных исторических условиях и на основе марксистских теоретических представлений. Создавая советское государство, его основоположники полагали, что при переходе к коммунизму оно быстро отмрет, понимая государство как средство подавления эксплуататорских классов.

Советское государство складывалось как полная противоположность государству буржуазно-правовому. Недооценивались принципы правового государства: разделение властей на законодательную, исполнительную, судебную, реальное верховенство закона над властью, контроль гражданского общества за властными органами. Произошло объединение всех ветвей власти в Советах, в которых депутаты одновременно принимали законы, исполняли их и контролировали их исполнение в интересах трудящихся. На смену идеи верховенства закона пришла идея руководящей роли Коммунистической партии. Руководство партии принимало все важнейшие решения, которые в форме директив передавались Советам. Советы осуществляли эти директивы как свои решения или совместные с партией постановления, поскольку цели были общие.

В сталинские годы была гипертрофирована репрессивная функция государства. Для этого была создана разветвленная система карательных органов, установлена строжайшая трудовая дисциплина и идеологический контроль за средствами массовой информации.

Современное российское государство по своему типу является переходным. Оно несет на себе отпечаток черт традиционной государственности: стремление контролировать различные стороны жизни, выступать в роли главного распределителя средств, и осуществлять номенклатурный принцип подбора руководящих кадров. Появились демократические начала в его деятельности: свободные выборы как способ формирования верховной государственной власти, политический плюрализм, разделение властей, формальное следование Конституции.

Процесс создания правового и социального государства в России займет много времени. Движение к этой цели в значительной мере будет зависеть от решения ряда первоочередных проблем: укрепления государственной власти, федерализма, развития гражданского общества, соблюдения принципов социальной справедливости.

§ 2. ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО, ЦЕРКОВЬ В РОССИИ: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Одним из аспектов вопросов демократизации общественно-политической жизни России является необходимость совершенствования сферы законодательного закрепления основ конфессиоанальной политики общества и государства. Усилия правоведов направлены на разработку и определение параметров наиболее оптимальной модели взаимоотношений основных элементов системы, в рамках которой могут быть максимально согласованы интересы индивидуума, общества, государства и различных конфессиональных объединений.

Многовековая история построения отношений государственной власти и Церкви дает нам тот опыт, обращение к которому необходимо в вопросах определения конфессиональной политики России на современном этапе.

В отечественной истории известны различные модели взаимоотношений Церкви и государства – от так называемой «византийской симфонии» с последующим огосударствлением Церкви в эпоху абсолютизма до полного отделения Церкви от государства в 1918 году с приходом советской власти.

Для России в период бытия православия как государственной религии было характерно соответствие государственно-правовых и религиозных систем ценностей, и Церковь представляла собой одну издетерминант общественно-политического развития России. Российское общество на протяжении многих столетий строилось на воспитании в человеке прежде всего твердого сознания тождества своих религиозных и гражданских обязанностей. На протяжении столетий нормы церковного права регулировали значительный круг общественных отношений, будучи инкорпорированными в правовую систему Российской империи.

Определяющим фактором в установлении роли и места церковного начала в политической деятельности Российской империи являлась синодальная модель управления, подразумевающая не просто доминирующее положение государства во взаимоотношениях с церковью, но и восприятие ее как составляющей государственного механизма с четко определенными функциями, организационно-правовыми началами, принципами взаимодействия с иными элементами системы власти.

На страже интересов Русской православной церкви стоял сам монарх «яко Христианский Государь» и «верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры, и блюститель правоверия и всякого в церкви святой благочиния» (СЗРИ. Т. I. Ч. 1. Ст. 64. Изд-е 1906 г.).

Законодательно оформленное положение православной церкви как главенствующей предоставляло ей известные преференции. Церковь обладала монопольным правом проповедовать свое учение, и «если исповедующие иную веру желали присоединиться к вере Православной, никто ни под каким видом не должен препятствовать им в исполнении сего желания» (Свод учреждений и уставов Управления духовных дел христианских и иноверных иностранных исповеданий. СЗРИ. Т. XI. Ч. 1. Ст. 4–5. Изд-е 1896 г.).

Разорвать данные узы, связывающие воедино государство, церковь и подданных, без каких-либо последствий для последних, не представлялось возможным. Как рожденным в православной вере, так и обращенным к ней из другой веры запрещалось отступать и принимать иную веру, хотя бы и христианскую (Устав о предупреждении и пресечении преступлений. СЗРИ. Т. XIV. Гл. 3. Ст. 36). Для лиц, перешедших из православного вероисповедания в другое христианское исповедание или в иную веру, закон не устанавливал уголовной санкции, но предусматривал для таковых лишение прав своего состояния. Такие ограничения статуса были обратимыми и в случае возвращения отступившегося в лоно православной церкви права состояния восстанавливались. К тому государство прилагало необходимые усилия, отсылая отступившегося от православия в обязательном порядке к духовному начальству «для увещания и вразумления» (Уложение о наказаниях. Изд-е 1845 г. Ст.ст. 191, 196). В то время лица, виновные в «совращении из православия» в иную христианскую или нехристианскую веру, подлежали уголовному наказанию (Уложение о наказаниях. Изд-е 1845 г. Ст.ст. 190, 192–195, 197).

Оценивая данное положение, русский богослов И. С. Бердников писал: «Русское государство в лице своего правительства просит у бога благословения и покровительства во всех важных случаях общественной жизни. Оно видит в христианской религии залог нравственного, а вместе с ним и всякого другого преуспевания народа, и потому не заграждает ей путей влияния на общество. Оно чтит религиозные святыни и обеспечивает почтение к ним и в народе. Оно озабочено религиозным воспитанием народных масс и доставляет нужные средства к тому. Оно помогает своим

содействием нравственно-просветительной деятельности Церкви как среди христиан, так и по отношению к инородцам. Оно карает своими наказаниями грубые оскорблении веры и Церкви»¹.

Однако данная прерогатива предполагала известные обременения: Церковь имела определенные обязательства перед государством, отвечая за должное религиозно-нравственное воспитание подданных. Со времен Киевской Руси попечение о воспитании народа в духе соблюдения христианских норм находилось преимущественно в юрисдикции Церкви. А начиная с правления Петра I, данная миссия окончательно приобрела характер обязательства, возложенного светской властью на духовную. Церковное воспитание рассматривалось властью как один из важнейших инструментов в реализации внутренней политики.

На рубеже XIX–XX столетий все большую остроту приобретал вопрос о необходимости изменения самих основ конфессиональной политики, определяемой господствующим положением Православной церкви, и ограничения прав «иноверцев». Под властью российского монарха находилось многонациональное, полигетническое и конфессионально неоднородное общество. Значительные территории Польши, Литвы, Украины, Бессарабии и других регионов в составе Российской империи были населены католиками, евреями, мусульманами и представителями иных верований. Однако в Российской империи в отношении тех своих подданных, что не относились к православному населению, власть придерживалась ограничительной политики. Закон не разрешал проповедование других религиозных учений, дозволяя иноверцам лишь открытие своего религиозного культа (Свод учреждений и уставов управления духовных дел христианских и иноверных иностранных исповеданий. СЗРИ. Т. XI, ч. 1, ст. 1, 4. Изд-е 1896 г.).

Самодержавие не сдавало позиций в попытках «русификации» и обращения в православие – проводя переселенческую политику, устанавливая определенные ограничения для иноверцев в сфере образования, на уровне административного управления при занятии определенных должностей. Государство стесняло в гражданских правах по национально-конфессиональному признаку. Так, для евреев была установлена «черта оседлости», за пределами которой им не разрешалось селиться и приобретать недвижимость. Циркуляр министра внутренних дел от 3 сентября

¹ Бердников И. С. Краткий курс церковного права православной греко-российской церкви. Казань, 1888. С. 231–232.

1894 г. лишал правовой защиты евангельских христиан и представителей других течений христианства как лиц, опасных для государства.

В свою очередь, православным российским подданным запрещалось переходить в иную веру под угрозой лишения прав своего состояния, что влекло за собой самые неблагоприятные последствия, но обратимые в случае возвращения отступившегося в лоно православной церкви (Устав о предупреждении и пресечении преступлений. СЗРИ. Т. XIV. гл. 3, ст. 36). В то время «если исповедующие иную веру желали присоединиться к вере Православной, никто ни под каким видом не должен препятствовать им в исполнении сего желания» (Свод учреждений и уставов управления духовных дел христианских и иноверных иностранных исповеданий. СЗРИ. Т. XI. Ч. 1. Ст. 4–5. Изд-е 1896 г.).

Свободы была лишена и сама Церковь, волею Петра Великого лишенная патриаршества и фактически инкорпорированная в единый государственный механизм, а духовенство находилось на положении служилого сословия и получало жалование из казны.

Вместе с тем подобные узы все более тяготили не только соответствующие слои общества, жаждущих свободы вероисповедания, но и саму Церковь, обремененную синодальным правлением и тяготеющую к восстановлению традиций патриаршества. И подобные настроения усиливались, по мере того как государство делало определенные шаги в сторону изменения положения духовенства. Прежде всего, лица духовного сословия получили доступ на началах выборности в органы местного самоуправления в рамках земской реформы 1864 года, что в равной степени отвечало интересам духовенства, права которого были расширены, и потребностям государства, заинтересованного в укреплении позиций Церкви. В 1867 году власть фактически пошла на ликвидацию замкнутости духовного сословия, отменив наследственность сословного состояния детям священнослужителей и предоставив им полную свободу в избрании рода службы. Государство ослабило административный контроль за духовными учебными заведениями, куда были привнесены элементы выборности и самоуправления.

Однако дальше подобного рода полумер государство не продвинулось в вопросах преобразования церковного устройства. По сути, государство шло только на изменения тех порядков, которые соответствовали его потребностям в части, касающейся определения роли духовенства в обществе. Но столь откровенно утилитарный подход власти к церкви

лишь укреплял в общественном сознании тождество в восприятии административного ресурса и духовенства. Огосударствление церковного начала вытесняло образ пастыря-подвижника и нестяжателя, подменяя его священнослужителем, стоящим на страже интересов власти. По мере того как государство стремилось укрепить позиции Церкви, воздействуя мерами административного порядка, авторитет священства среди обывателей падал. Тем более что уровень подготовленности и даже начального образования многих священнослужителей вызывал нарекания, равно как и сама синодальная система управления осталась неизменной. При этом главными охранителями консервативного начала в вопросах взаимоотношений государства и Церкви выступали последовательно сменяющие друг друга на посту обер-прокурора Священного Синода Д. А. Толстой (1865–1880) и К. П. Победоносцев (1880–1905). Занимая самую активную позицию по ряду первостепенных политических вопросов, К. П. Победоносцев в самой категоричной форме высказывался против возможных церковных реформ: «Доныне неразрывная связь государства с церковью в России считалась основною опорою и государства и церкви, и распадение этой связи считалось губительным и для церкви, и для государства»¹. Но даже страж вековых традиций вынужден был признать, что «...произошло разъединение между верованием народным и политической конструкцией церковного направления, ... со стороны интеллигенции, разъединение еще более разительное между верованием и научной конструкцией верования»².

Социально-политическая действительность пореформенного периода в условиях произошедших реформ даже в тех рамках, что были определены властью, отражала неизбежную трансформацию общественного сознания, устремленного к иной системе ценностных координат, определяемых новым буржуазным порядком. Возрастание влияния светской культуры в обществе было весьма ощутимо. В этой связи показательны изменения в сфере образования. С принятием «Положения о начальных народных училищах» от 14 июня 1864 г. государство разделило бремя воспитания российских подданных между церковью и земскими учреждениями, возникшими в рамках реформы местного самоуправления. Возложив попечение об удовлетворении потребностей населения в начальном

¹ Историческая переписка о судьбах православной церкви. М., 1912. С. 26.

² Цит. по: Русская философия права сост. А. П. Альбов, Д. В. Масленников, А. И. Числов, С. В. Филиппова. СПб., 1999. С. 77.

образовании и о надлежащем его нравственном направлении на уездные и губернские училищные советы во главе с епархиальным архиереем, Положение определило в качестве первоочередной задачи, прежде всего, утверждение в народе религиозных и нравственных понятий и распространение первоначальных полезных знаний, как следовало из ст. 1 Положения 1864 г. Однако новая образовательная единица в лице земской школы аккумулировала откровенно антиклерикальные настроения определенной части российского общества и ее стремление к построению новой модели образования, не связанный рамками религиозной доктрины. Передовая российская общественность, ратуя за свободное научное познание и преодоление косности мышления, поворачивалась в сторону формирования модели европейской общеобразовательной школы, высказываясь за «европейскую смену менталитета общества через школу ...по чертежам общеевропейского, общемирового дома»¹. И земское образование все более зримо приобретало новые черты, идя вразрез с традиционной концепцией религиозно-нравственного воспитания и одновременно высвечивая значительно более глубокий пласт проблематики, лежащий в сфере общей модели взаимоотношений государства, Церкви и общества.

Лишь с нарастанием социально-политической активности и оппозиционных настроений в российском обществе правительенная власть решилась проявить большую терпимость в делах веры и подвергнуть пересмотрю законодательные установления в части, касающейся прав лиц, принадлежащих к неправославным исповеданиям.

Именным Высочайшим указом от 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» было положено начало новому курсу. В п. 6 устанавливалось, что «для закрепления выраженного Нами в Манифесте 26 февраля 1903 г. неуклонного душевного желания охранять освященную Основными Законами Империи терпимость в делах веры, подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устраниению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения».

В январе 1905 г. Комитет министров приступил к обсуждению мер по введению начал веротерпимости. Зримым воплощением намеченных в

¹ Троицкий В. Ю. Традиции земского просветительства и современная школа // Земский вестник. 1995. № 6. С. 20.

1904 г. намерений государственной власти относительно принятия действительных мер к устраниению стеснений в области религии стал Указ 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», согласно которому «отпадение от Православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собою каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий, причем отпавшее по достижении совершеннолетия от Православия лицо признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало» (п. 1 Указа).

Фундаментальное изменение курса конфессиональной политики государства произошло в годы первой русской революции с принятием Манифеста 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», которым населению были дарованы незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

Казалось бы, столь предполагало внесение соответствующих серьезных корректировок в организационно-правовые основы взаимодействия государства, Церкви и общества. Однако государство не отличалось последовательностью в своей политике, ограничиваясь полумерами. Так, в контексте произошедших изменений и в осуществление положений указа 17 апреля 1905 г. был принят закон 14 марта 1906 г. о введении в действие нового Уголовного уложения для преступлений религиозных (постановления главы II Уголовного уложения, ст.ст. 73–98), заменившего действовавший до того времени раздел второй Уложения о наказаниях. Но эти нововведения не привели к существенным изменениям в системе религиозных преступлений, сохранившей в большей части санкций за какие-либо посягательства на христианскую веру. Закон по-прежнему карал за совращение из христианства в нехристианскую веру (наказание доходило до каторги), из православия в другое христианское исповедание (от крепости до ссылки на поселение), из православия же в изуверное учение (ссылка на поселение), из одной нехристианской веры в другую и из одного исповедания в другое, если все эти виды совращения совершены посредством злоупотребления властью, принуждения, обольщения обещанием выгод или обмана пр. Вряд ли эти положения согласовывались с провозглашенной свободой совести.

Одновременно шла речь и том, что необходимо ослабить контроль светской власти над Церковью, предоставив ей большую свободу: «Церк-

ви необходим союз с государством, необходима и государству поддержка церкви, но условия союза между тою и другою сторонами должны быть составлены так, чтобы не ослаблять самодеятельности ни церковного, ни государственного организма»¹.

Был подготовлен «Всеподданнейший доклад Св. Синода о преобразовании управления Российской церковью на соборном начале» на имя Государя, которым 3 января 1906 г. был подписан указ о созыве Предсоборного присутствия для «предварительного обсуждения на основании всех имеющихся данных как намеченных уже к соборному рассмотрению, так и вновь возникших вопросов»². Серьезные разногласия как в церковной среде, так и в правительственные кругах по вопросам внутрицерковного устройства и общего положения церкви относительно всей государственной системы вылились в годы прений между сторонниками либеральных преобразований и поборниками сохранения консервативного клерикального курса и не позволили прийти к их действительному решению. В условиях нарастания революционных настроений и общей внутриполитической нестабильности государство не стремилось содействовать скорейшему реформированию, о чем свидетельствует печальная судьба большинства вероисповедных законопроектов в годы созыва III Думы.

Однако и в самих церковных кругах отношение к возможным предстоящим переменам было неоднозначное. И прежде всего, нежелательными какие-либо преобразования виделись обер-прокурору Синода К. П. Победоносцеву, который в самой категоричной форме высказывался против намеченных реформ: «Доныне неразрывная связь государства с церковью в России считалась основною опорою и государства и церкви, и распадение этой связи считалось губительным и для церкви, и для государства»³.

С принятием Манифеста 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», которым император даровал населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкословенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов, вопрос об изменении самого статуса Церкви и ее положения в государстве

¹ Историческая переписка о судьбах православной церкви. М., 1912. С. 25.

² Церковные ведомости. 1906. № 1. С. 1–3.

³ Там же. С. 26.

приобрел новую остроту. Условия союза Церкви и государства должны были быть пересмотрены.

И лишь с падением монархии в 1917 г. союз Церкви и государства прекратил свое существование. Пришедшее к власти в ходе февральской революции Временное правительство определило в качестве одной из своих приоритетных целей отмену вероисповедных ограничений, во исполнение чего 20 марта им было принято соответствующее постановление, подготовленное министром юстиции А. Керенским, отменяющее все ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности¹.

Состоявшийся в 1917–1918 гг. Поместный Собор Российской Православной церкви упразднил синодальную систему церковного управления и восстановил патриаршество. Отныне высшая, в том числе и законодательная, власть переходила Поместному Собору как высшему каноническому органу. Главной целью Собора было устроение церковной жизни на началах полнокровной соборности, причем в совершенно новых условиях, когда вслед за падением самодержавия распался прежний тесный союз Церкви и государства².

Декретом СНК от 20 января 1918 г. «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» новая советская власть провозглашала право каждого гражданина исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, а какие-либо стеснения или ограничения свободы совести не допускались. Тем самым советской властью законодательно был признан важнейший принцип свободы совести, что неизменно находило свое подтверждение и в последующих нормативно-правовых актах и, прежде всего, получило свое конституционное оформление.

Однако на практике данное положение носило скорее декларативный характер. Прежде всего, с тем же Декретом СНК 1918 г. Православная церковь утратила права юридического лица, отныне в советской России «никакие церкви и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют. Все имущества существующих в России церквей и религиозных обществ объявляются народным достоянием»³, что существенным образом ограничивало реаль-

¹ Солженицын А. И. Двести лет вместе. Ч. 2. М., 2001. С. 28.

² Русская Православная Церковь и право: комментарий. М., 1999. С. 10.

³ Русская Православная Церковь и право: комментарий / отв. ред. М. В. Ильичев. М., 1999. С. 90.

ные возможности религиозных организаций. Одновременно Церковь теряла и право осуществлять религиозное образование и воспитание, лишившись, по сути, возможности выполнения своего важнейшего предназначения – проповедовать христианское учение. Декрет допускал религиозное обучение только в частном порядке. Тем самым советская власть стремилась к полному отстранению Церкви от активного участия в общественной жизни.

Большевики взяли курс на полное искоренение религии. На смену уваровской триаде «Православие. Самодержавие. Народность» пришло не менее известное: «Религия – опиум для народа». Советское государство постепенно развернуло широкую антиклерикальную кампанию. Открыто проводимая политика, направленная на искоренение религии, в скором времени приобрела черты «воинствующего атеизма». Происходило массовое закрытие церквей, уничтожались религиозные святыни. Антирелигиозная пропаганда стала частью государственной политики советского периода сопровождалась массовыми нарушениями свободы совести, притеснениями верующих и священнослужителей, репрессиями.

Перемены внутриполитического курса, произошедшие в советском обществе во второй половине 80-х годов, кардинально изменили его социальные запросы. В поисках новых для советского сознания координат в системе ценностей обращение к религии становится неотъемлемой составляющей проявления свободомыслия. Вектор социокультурного развития переместился в область религиозных исканий, и Церковь впервые за долгие десятилетия стала столь широко востребована.

Наиболее знаковым событием, свидетельствующим о переменах в отношениях между государственной властью и Церковью, стало масштабное празднование 1000-летия крещения Руси. К торжеству был приурочен целый ряд важных мероприятий, свидетельствующих не только о лояльном отношении государства к Русской православной церкви, но и о его намерении выстраивать конструктивный диалог на самом высоком уровне, о чем и было заявлено на встрече, состоявшейся 29 апреля 1988 г. между М. С. Горбачевым и патриархом Московским и всея Руси Пименом и членами Синода Русской православной церкви. Тем самым фактически было положено начало процессу активной интеграции Церкви в общественно-политическую жизнь страны, от которой она была изолирована на протяжении практически всего советского периода.

Процесс обновления общественно-политической жизни страны требовал и соответствующих юридических конструкций, которые должны были отразить произошедшие изменения в сфере государственно-церковных отношений и, что не менее важно, того фактического положения, которое уже занимала Церковь в социокультурном пространстве. В этой связи требовалось законодательное признание, закрепление и защита юридически значимых аспектов свободы человека в религиозной сфере – свободы совести и вероисповедания.

С принятием 1 октября 1990 г. Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» и 25 октября 1990 г. Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» произошел поворот в государственно-конфессиональных отношениях, в результате чего последовали значительные перемены в правовом статусе РПЦ и других религиозных объединений: законодательно были не только закреплены принципы светского государства, отделения религиозных организаций от государства и равенства их перед законом и пр., но и предоставлены церковным учреждениям права юридического лица. Религиозные организации могли теперь иметь вправе собственности недвижимость, защищать свои интересы в судебном порядке, пользоваться средствами массовой информации и пр., тем самым активно участвовать в общественной жизни.

Началась поэтапная передача религиозным организациям зданий и имущества культового назначения. В ведение Русской православной церкви было передано свыше 2 тысяч храмов и монастырей.

Знаковым событием, свидетельствовавшим о кардинальных изменениях организационной формы взаимоотношений государственной власти и религиозных организаций, стало упразднение в ноябре 1991 г. Совета по делам религии. Образованный еще в 1965 г. при Совете Министров СССР этот орган на протяжении нескольких десятилетий был основным проводником политики советского государства в отношении Русской православной церкви и иных религиозных организаций. Имея достаточно широкие полномочия, включая регистрацию религиозных объединений, Совет, прежде всего, осуществлял контроль за деятельностью таковых. Постановлением Кабинета министров СССР от 26 апреля 1991 г. № 209 «Об утверждении Положения о Совете по делам религий при Кабинете Министров СССР» Совет был лишен регистрационных, распорядительных и контролирующих функций. Данным Положением определялись новые функции Совета по делам религий – информационного, консультативного и

экспертного характера. В ноябре того же года Совет по делам религий полностью прекратил свою деятельность. Религиозные организации, и прежде всего Русская православная церковь, освобождались от контроля государства.

Новые организационно-правовые формы взаимоотношений государства и Церкви должны были соответствовать тем демократическим принципам, что получили свое закрепление в Конституции Российской Федерации 1993 г. провозгласившей человека, его права и свободы высшей ценностью, гарантирующей свободу совести, свободу вероисповедания, свободу мысли и слова, свободу деятельности общественных организаций.

Для подготовки правовой базы деятельности общественных объединений и религиозных конфессий в январе 1994 г. решением Государственной Думы создается Комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций. В апреле 1995 г. был образован в качестве консультативного новый орган при Президенте РФ – Совет по взаимодействию с религиозными объединениями, основной функцией которого, помимо обеспечения непосредственного взаимодействия главы государства с религиозными объединениями, было определено содействие укреплению общественного согласия, достижению взаимопонимания, терпимости и взаимного уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания. Совет определил важнейшей задачей своей деятельности не только выстраивание взаимоотношений государственной власти с религиозными организациями, но и поддержание межконфессионального диалога. Государство решительно демонстрировало стремление следовать новому демократическому курсу и выстраивать конфессиональную политику в соответствии международными правовыми стандартами в сфере обеспечения свободы совести, вероисповедания и религиозной деятельности.

В свою очередь на Архиерейском Соборе Русской православной церкви 1994 г. было принято решение о создании такой социальной доктрины, как всеобъемлющая концепция, отражающая общецерковный взгляд на вопросы церковно-государственных отношений и проблемы современного общества в целом. Были определены и основные направления разработок: богословские основы отношений Церкви с Государством и светским обществом; Церковь и политика; Церковь и национальный вопрос; личная, семейная, общественная и трудовая этика; отношение к собственности; закон и преступность, мораль и право; вопросы биоэтики и

экологии; проблемы войны и мира; отношение к науке, культуре, образованию; международные отношения. По сути, в социальную доктрину включены все вопросы, касающиеся внешнего (относительно Церкви) мира. В этом документе нашло свое отражение учение Церкви и ее официальная позиция по вопросам взаимоотношений с государством и светским обществом.

Однако с принятием в 1997 г. ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» позиция государства по вопросу правовой регламентации деятельности и функционирования религиозных объединений подверглась острой критике со стороны ряда правозащитных организаций и представителей различных религиозных конфессий как в России, так и за рубежом. Принятые в 1990 г. два нормативно-правовых акта провозгласили равенство граждан и религий, но при этом закон РСФСР в отличие от союзного закона детально прописал и равенство перед законом не только религий, но и религиозных объединений. Данная норма подчеркивала недопустимость установления государством каких-либо преимуществ или ограничений для одних религиозных организаций по сравнению с другими. Новый федеральный закон закрепил равенство всех религий и религиозных объединений перед законом. Вместе с тем указание в тексте его преамбулы на особую роль православия в истории России, в становлении ее духовности и культуры и перечень «уважаемых» государством религий вызвал серьезные споры. Данная формулировка поставила под сомнение равный правовой статус всех религиозных конфессий. Тем более что сама Церковь, занимая активную позицию по всем важнейшим социальным вопросам, неизменно демонстрировала стремление выстраивать диалог с государством, подчеркивая необходимость сотрудничества.

Конституция РФ установила, что Российская Федерация является светским государством (ст. 14). Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. В свою очередь государство не вмешивается в духовную жизнь Церкви, в ее вероучение, духовную практику, за исключением тех ее сторон, которые предполагают деятельность в качестве юридического лица, неизбежно вступающего в соответствующие отношения с государством. Со своей стороны государство лишь необходимо определяет правовой статус Церкви и регулирует ее деятельность, как и любой другой юридически оформленной общественной структуры. Но вне зависимости от модели их взаимоотношений государство

дарство и Церковь неизбежно соприкасаются и взаимодействуют в самых различных социально значимых областях.

Следует признать, что отношения Церкви и государства всегда будут чрезвычайно сложны. Несмотря на самостоятельность церковного общества во внутренней жизни, оно как явление социального характера необходимо подлежит определению своего правового статуса, внешнего правового положения среди прочих сфер общежития, что и составляет прерогативу государства. Государственная конфессиональная политика неизбежно переходит в плоскость возможно максимального проявления человеческой свободы в вопросах мировоззренческого выбора, и грани дозволенного проявления этой свободы являются собой результат достаточно сложного социального компромисса.

Русская православная церковь вновь стала активным участником многих общественно-политических, культурных событий и процессов, происходящих в нашей стране. По данным социологических исследований РПЦ находится в числе лидеров среди общественных структур по степени доверия к ним населения. В настоящее время христианство объединяет свыше одного миллиарда верующих, из них – более ста шестидесяти миллионов последователей православия, значительная доля которых приходится на Россию. Христианство, как и любая другая религия, определяет не только мировоззрение, но и образ жизни многих людей, моделируя сообразно своему вероучению поведение человека как в церковной, так и в светской областях (общечеловеческие нормы поведения).

И сегодня мы наблюдаем укрепление позиций РПЦ, когда определенная часть общества видит в Церкви тот институт, который в современных условиях способен противостоять негативным тенденциям, характеризующим социальную действительность. Это порождает споры относительно тезиса о возможном срашивании Церкви и государства.

Очевидно, что правовое признание, закрепление и защита свободы совести и вероисповедания личности является необходимым условием нормального бытия и функционирования любого общества, ориентированного на демократические ценности. При этом свобода исповедовать религию или убеждения подлежит ограничениям лишь, предусмотренным законом и необходимым в демократичном обществе в интересах государственной и общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или для защиты прав и свобод других лиц. Любые проекции государством религиозной идеологии в поли-

тическую плоскость несут потенциальную угрозу столь значимому компромиссу во взаимоотношениях государства и религиозных конфессий, стабильному функционированию социального организма и создают почву для религиозных конфликтов. В этих условиях светское государство может выполнять роль только беспристрастного арбитра, удерживая хрупкое равновесие посредством согласования правового поля деятельности различных конфессий.

История продемонстрировала невозможность построения гармоничной «симфонии» Церкви и государства по византийскому образцу и, в равной степени, противоестественность полного неприятия государством религиозной организации в социокультурном пространстве. В переломный период своей истории государство определило новые принципы построения отношений с религиозными конфессиями, исключающие как идеологическую диктатуру, так и политику изоляции религиозных структур, признав право каждого человека на свободу мысли, совести и вероисповедания.

§ 3. ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Два из наиболее важных понятий в любом обсуждении свободы – это государство и общество. Но зачастую далеко не ясно, что понимает тот или иной человек под этими терминами. Это связано с тем, что определения могут резко меняться в зависимости от теоретического подхода докладчика. Практически все ученые согласны с тем, что существует определенное различие между государством и обществом. Но именно место, где должна проходить линия, является предметом активных дебатов, по крайней мере, со времен сочинений английского классического либерала XVII века Джона Локка.

Немецкий социолог Франц Оппенгеймер возглавил анализ этих ключевых терминов в своей классической работе «Государство» (1914). Оппенгеймер определил государство как «суммирование льгот и доминирующие с позиции, которые являются результатом внеэкономической власти». Он определил общество как «совокупность понятий всех чисто естественных отношений и институтов между человеком и человеком»; противопоставил то, что он назвал «политическими средствами», «экономическим средствам» приобретения богатства или власти. Государство использует политические средства, иными словами, силу для разграбления и эксплуатации общества, которое использует экономические средства, иначе сотрудничество. Таким образом, для Оппенгеймера государство было врагом общества¹.

Американский социолог Альберт Джей Нок был одним из главных проводников мысли Оппенгеймера в США. Он запечатлел чувства своего наставника в книге под названием «Наш враг, государство». Альберт Нок писал: «Принимая государство, где бы оно ни находилось, поражая его историю в любой момент, никто не видит способа отличить деятельность его основателей, администраторов и бенефициаров от деятельности профессионального преступного класса». Однако на данный момент в своем аргументе Нок ввел в обсуждение свободы третье понятие: правительство. Правительство – это агентство, которое защищает индивидуальныеп-

¹ Franz Oppenheimer, *The State* (New York: Free Life Editions, 1975 [1914]), p. XXXIII.

рава в обществе, предположительно в обмен за плату, такую как разумная налоговая ставка¹.

А. Нок не был одинок в различии правительства и государства: писатель-философ Айн Рэнд также приняла концепцию ограниченного правительства, которое будет функционировать как ночной сторож, ненавязчиво защищая личность и собственность своих клиентов. Действительно, Оппенгеймер сам оставил дверь открытой для отдельного агентства под названием правительство, когда он заявил в заключительном пункте введения к государству «другие могут называть любую форму руководства и правительства или какой-либо другой идеал государством.— Это вопрос личного стиля»².

Профessor Tibor Machan предлагает дефиниционное различие между государством и правительством. Государство – это юрисдикционное притязание на территориальный суверенитет, которое сохраняется с течением времени. Правительство было фактическим органом, который действовал для выполнения указов государства. Таким образом, правительство может измениться с республиканского на демократическое, но государство останется прежним.

Более радикальные социологи в рамках индивидуалистической традиции, такие как экономист Мюррей Ротбард, не проводили различия между государством и правительством. Или, если они рассматривали их как технически отдельные сущности, такие индивидуалистические анархисты обычно осуждали оба как инвазивные. Они задали навязчивый вопрос: как любое агентство или учреждение может по праву претендовать на монопольную юрисдикцию в отношении услуги для клиентов, которые не хотят подписываться на нее? Или, если правительство предоставляет услугу, как ночной сторож, вы можете взять свой бизнес в другом месте?

Обсуждение индивидуальной свободы неизбежно возвращается к определению ключевых понятий государства и общества. И, следуя этим определениям, один факт быстро становится очевидным: они связаны между собой глубокими идеологическими и историческими разногласиями.

Что такое государство и общество? Государство – это абстракция, и нужно позаботиться о том, чтобы не сделать из нее что-то слишком конкретное. То же самое можно сказать и об обществе. Традиционно приня-

¹ Нок А.Д. Наш враг, государство / <http://translatedby.com/you/our-enemy-the-state-1935/into-ru/trans/>

² Там же.

тый классическими либералами аналитический подход называется методологическим индивидуализмом. Этот подход утверждает, что существуют только отдельные люди, и что институты – такие как семья, церковь и государство – все являются результатом и могут быть проанализированы с точки зрения людей, взаимодействующих друг с другом определенным образом. Общество – это сокращенная сумма всех добровольных или естественных институтов.

Государство возникало много раз и во многих формах на протяжении всей истории человечества. Иногда его хвалили как идеальное выражение общества, как в Республике Платона. В других случаях оно было как порочный паразит, как у Ротбарда.¹ При таком разделении взглядов задача политических мыслителей состоит в том, чтобы определить общность, существующую между всеми государствами, с тем чтобы выработать определение государства.

Исторически сложилось так, что когда политические мыслители пытались выяснить сущность государства и его легитимность, они искали ответы на вопросы о происхождении этого института. В целом существует четыре основные и несколько перекрывающиеся теории возникновения государства. Каждая теория имеет различные последствия для ее отношения к обществу. Первая теория – сверхъестественная, которая утверждает, что государство, или, по крайней мере, определенный правитель, существует по воле Бога. Эта теория приводит к теократии и божественному праву царей. Согласно теории члены общества, которые, по-видимому, также наделены Богом своими ролями, обязаны некоторой преданностью даже оскорбительному государству.

Вторая теория пытается обосновать государство в более натуралистических терминах. Он утверждает, что государство, как и семья, является почти спонтанным институтом, который естественным образом развивается из акта общины. Потому что люди и их собственность требуют защиты, переопределение института, естественно эволюционирует в качестве полицейского и арбитра споров. Согласно этой теории никакая жесткая линия не обязательно отличает государство от общества; они занимаются кооперативным предприятием.

Третья и четвертая теории влекут за собой конфликт. Третья теория утверждает, что государство возникает из-за внутренней войны внутри

¹ Ротбард М.К новой свободе // URL: /http://www.ereadiNg.club/bookreader.php/140838/K_Novoii_svobode%3A_LibertariaNskiii_maNifest.pdf.

общества. Карл Маркс популяризировал эту точку зрения, анализируя государство как агентство классовой войны, с помощью которого капиталисты контролируют рабочих. Для Маркса государство является выражением и защитником одного сегмента общества за счет другого.

Четвертая теория рассматривает внешние конфликты и утверждает, что государство возникло в результате завоевания одним племенем другого племени.

В рамках классического либерализма две теории происхождения государства боролись за господство: натуралистическая теория, или теория согласия, с помощью которой государство эволюционирует из общества; и теория завоевания, с помощью которой государство может рассматриваться как продолжающийся акт войны, совершенный против общества отдельной группой. Это не просто исторические предпосылки. Это аналитические подходы, призванные поставить под сомнение или подтвердить легитимность государства. Если государство в самом своем генезисе требует массового нарушения прав человека, то этически оправдать институт становится гораздо труднее, чем если бы он возник из массового согласия.

Таким образом, следующая дискуссия касается не только исторического происхождения государства, но и его возможного обоснования в этике.

Два трактата Джона Локка о правлении являются ключевым документом в истории индивидуализма. В своем втором трактате, как заметил Карен Вон, «Локк утверждает случай индивидуальных естественных прав, ограниченного правительства в зависимости от согласия управляемых, разделения властей внутри правительства и, что наиболее радикально, права людей в обществе свергать правителей, которые не в состоянии поддерживать социальный контракт»¹. Работа Локка, из которой в значительной степени исходили французская и американская революции, остается пробным камнем теории согласия в рамках классической либеральной традиции.

Локк верил, что Бог дал мир всем людям в общем, и он оправдал частную собственность – присвоение общего блага для личного пользования, утверждая, что каждый человек имеет право собственности на свою собственную личность. Основываясь на этой самостоятельной собственности, Локк утверждал, что труд его тела и работа его рук, можно сказать, являются его работой. Что бы он ни вывел из состояния, которое предос-

¹ <http://grachev62.Narod.ru/lock/coNteNt.html>.

тавила ему природа, и оставил в нем, он смешал свой труд с чем-то, что принадлежит ему, и тем самым сделал его своей собственностью¹.

Необходимость защищать собственность «жизни, свободы и имущества» привела мужчин к формированию правительства. Другими словами, институт возник как щит от конфликтов, которые, естественно, происходят, когда люди накапливают собственность в мире ограниченных ресурсов. Через явный социальный контракт государству было передано право рассматривать споры. Со своей стороны государство обязалось принять решение, с тем чтобы обеспечить права мужчин на их собственность, например, посредством законов о наследовании. Таким образом, наличие частной собственности могли быть причиной Локковского государства².

В определенной степени можно сказать, что теория общественного договора Локка непосредственно связана с идеей правового государства.

Правовое государство представляет собой такую форму организации деятельности государственной власти, при которой само государство, все социальные общности, отдельные индивиды уважают право и находятся в одинаковом отношении к нему. Право в этом случае выступает способом взаимосвязи государства, общества и индивида.

Принципы правового государства:

- 1) создание законодательной системы, соответствующей объективности права;
- 2) закрепление в законодательстве широкого комплекса естественных неотчуждаемых и демократических прав человека, их обеспечение реальными материальными и иными гарантиями, надежной защитой от каких-либо посягательств;
- 3) разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную: ветви власти должны быть независимы друг от друга и должны действовать в соответствии с конституционно закрепленными полномочиями;
- 4) верховенство закона, на основе и во исполнение которого создаются и реализуются все подзаконные акты;
- 5) при федеративном устройстве государства демократическое распределение компетенции между субъектами федерации. Понятие «право-

¹ <http://grachev62.Narod.ru/lock/coNteNt.html>.

² <http://www.iNdepeNdeNt.org/publicatioNs/article.asp?id=237> DefiNiNg State aNd Society.

вое государство» предусматривает не столько подчинение государственной власти надконституционным нормам, сколько ограничение ее всемогущества в интересах гарантирования прав отдельного индивида перед лицом государства. Правовое государство само себя ограничивает определенным комплексом постоянных норм и правил. Государство становится правовым именно потому, что оно подпадает под власть права. Праву принадлежит приоритет перед государством.

В правовом государстве четко и точно определены формы, пути и механизмы деятельности государства, пределы свободы граждан, гарантированные правом.

Общие требования, которым должно отвечать правовое государство:

- соответствие законодательства важнейшим интересам всех классов и социальных слоев, тенденциям социально-экономического развития и морально-психологической ситуации в обществе;
- ограниченное вплетение законодательства в контексте практического процесса решения насущных проблем;
- строгое соответствие текущего законодательства конституционному;
- практическое обеспечение верховенства закона по отношению к подзаконным нормативным актам;
- диалектическое сочетание стабильности и динамики законодательства;
- наличие отработанных демократических процедур участия граждан в правотворческом процессе;
- учет общественного мнения;
- наличие совершенного юридического механизма разрешения спорных и конфликтных ситуаций между субъектами права на всех уровнях аналитической, государственной, социальной структуры;
- высокий уровень правовых знаний и правовой культуры граждан.

Итак, правовое государство обеспечивает:

- 1) верховенство права и закона;
- 2) максимальную гарантию прав и свобод человека;
- 3) равенство всех перед законом и судом¹.

Можно выделить так называемые индикаторы правового государства. Здесь можно выделить пять секторов.

¹ <http://kulturozNaNie.ru/politology/pravovoe-gosudarstvo-i-grazhdanskoe-obshhestvo/>

1. Политически стабильная демократия. Считают ли жители, что у них есть политическая безопасность для защиты своих прав и свобод? Какие институты удовлетворяют эти потребности? Есть ли законная, прозрачная и эффективная власть? Проводятся ли выборы? Существует ли многопартийность? Есть независимая законодательная власть?

2. Устойчивая экономика. Считают ли жители, что у них есть основная экономическая безопасность, чтобы заработать и доступ к базовому доходу? Какие учреждения удовлетворяют эти потребности? Насколько хорошо правительство и неправительственные организации удовлетворяют потребности граждан в труде, образовании, здравоохранении, электроэнергии и так далее? Насколько хорошо работает экономическая система с точки зрения управления использованием ресурсов, сокращения разрыва между богатыми и бедными?

3. Безопасная и защищенная среда. Воспринимают ли жители, что у них есть общественная безопасность, свобода передвижения? Насколько хорошо силы безопасности защищают всех гражданских лиц, независимо от их личности? Защищают ли соответствующие учреждения этнические, религиозные и культурные группы, особые категории населения – особенно женщин, детей от насилия? Какие учреждения удовлетворяют эти потребности?

4. Правосудие и верховенство права. Считают ли жители, что у них предсказуемые социальные отношения и система правосудия, которая является последовательной и легитимной и использует только правовые рамки для мониторинга и защиты прав человека? Какие меры принимаются для удовлетворения этих потребностей? Насколько справедливы и последовательны полиция, суды и исправительные учреждения?

5. Социальное и культурное благополучие. Воспринимают ли жители, что у них есть смысл в жизни наряду с уважением человеческого достоинства, идентичностью и чувством принадлежности к другим? Есть ли свобода исповедовать свои религиозные убеждения и культурные традиции? Насколько независимы, справедливы и профессиональны новостные СМИ, которые предоставляют людям информацию? Количество и качество общественных организаций и их способность влиять на государственную политику? Имеют ли люди доступ к программам помощи в области психосоциальной реабилитации и лечения травм?

Характер политического урегулирования может сильно повлиять на отношения государства и общества. Во многих нестабильных и конфлик-

тующих государствах отношения основаны на покровительстве и отсутствии ответственности. Известность неформальных институтов, их отношения и неофициальные процессы приводят к расхождению между формальными правилами и реальной практикой.

Политические элиты, которые получают выгоду от различного рода покровительства, доходов от аренды природных ресурсов и преступной деятельности, часто имеют мало стимулов для взаимодействия с гражданами и создания эффективной государственной власти. Концентрация власти в руках элиты также ограничивает участие граждан в общественной жизни. В некоторых ситуациях граждане могут быть исключены из публичной жизни через государственные репрессии и насилие. Это приводит в результате к негативным и слабым отношениям между государством и обществом. Только усилия по политическому урегулированию могут перестроить отношения и способствовать политическому и социальному преобразованию¹.

Важным аспектом для государства является легитимность. Существуют различные подходы к легитимности государства. Исторически сложилось так, что определенная группа получила право управлять государством в силу своей «монополии на законную силу». Сегодня вопрос государственной легитимности является более сложным.

Так, некоторые ученые отмечают, что легитимность государства приходит через юридическую власть, например через законные выборы, наследование (королевская династия) или другое правило выбора.

Позиция «монополия силы» отмечает, что правовая легитимность государств проистекает из их монополии силы, способности физически доминировать на территории. Монополия силы считается необходимой для поддержания верховенства закона государства. В некоторых государствах монополия силы связана с военной мощью, на которой основывается право управления.

Общественная поддержка: третий подход заключается в том, что государства получают легитимность за счет участия общественности. Граждане поддерживают правительство, когда у них есть возможность участвовать в принятии решений, когда лидеры принимают решения, которые приносят пользу всем группам и не преследуют интересы части населения.

¹ Topic guide supplemeNt.State-Society RelatioNsAndCitizeNshipiNSituatioNs of CoNflictaNd Fragility.HumaHaider // www.gsdrc.org.

Считается, что легитимность приходит через демократические реформы, которые позволяют гражданскому обществу привлечь правительство к ответственности и партнерству с целью общественных благ.

Государственная легитимность может проистекать из целого ряда источников, включая эффективность государственных учреждений в части выполнения различных функций, таких как предоставление услуг, налогообложение и система социальной защиты; степень их представительства и ответственности. Вместе с тем законность не вытекает исключительно из эффективно функционирующих государственных институтов. Такие институты также должны взаимодействовать с обществами, чтобы их считали законными, и встраиваться в общество. Это предполагает проникновение государства в общество, так что граждане принимают наличие государства и его правил как должное, они принимают право государства на управление и его положение как высшего политического органа.

Неразрывно с понятием правового государства существует понятие гражданского общества.

В XVI и XVII вв. Томас Гоббс и Джон Локк утверждали, что общество является не делом природы, а скорее результатом общественного договора. Для Гоббса состояние природы было естественным порядком, в котором люди следовали своим эмоциям, а не разуму. Такие люди будут бороться «все против всех», чтобы защитить свою свободу. Им потребуются соглашения для установления мира, а затем учреждение для его сохранения. Это учреждение возникло на основе договора между физическими лицами. Тогда и только тогда свобода человека могла процветать под защитой государства, которое сохраняло мир и охраняло гражданское общество.

В состоянии природы человек боролся с индивидуумом, в то время как в гражданском обществе государство поддерживало мир в сообществе людей, действующих в гражданской манере. В отличие от утверждения Аристотеля о том, что люди вступали в общество, потому что они были естественно общительны, Гоббс утверждал, что страх подтолкнул людей к завету. Пакт создает условия, при которых состояние природы уступает место гражданскому обществу. Таким образом, гражданское общество – это не просто противоположность состоянию природы; оно представляет собой выход из состояния природы, достигнутый, когда свободные рациональные люди заключают соглашение. Для Гоббса гражданское обще-

ство объединяет всю законодательную и исполнительную власть в единый орган.

Джон Локк продвинулся вперед, утверждая, что общество является результатом социального контракта. Локк полагал, что государство не должно рассматриваться как единое тело, как это сделал Гоббс. Вместо этого Локк проводил различие между правительством и обществом с целью не допустить, чтобы власть правительства угрожала правам общества. Локк рассматривал правительство как унитарный институт свободы создания ассоциации. Таким образом, он противопоставил гражданское общество как состоянию природы, так и правительству.

Локк был непоследователен, когда сравнивал распуск законодательной власти с распадом общества. Он утверждал, что распуск законодательной власти не означает конца общества. Поэтому можно сделать вывод о том, что он просто отличал государство от общества. В частности, он отделил религиозное учение от государства. Церкви оставались автономными. Это представляет собой зарождающуюся идею гражданского общества как модели для правительства¹.

Теперь обратимся к вопросу формирования правового государства в России. Процесс возвращения в Россию идеи правовой государственности начался в 60-е годы и интенсивное развитие получил в последнее десятилетие. Этому способствовал целый ряд факторов: процесс разгосударствления собственности, ликвидация однопартийной системы, реформирование судебных органов и т. д. Принятие 12 декабря 1993 г. Конституции РФ свидетельствует о завершении подготовительного периода и знаменует собой новый этап развития и реализации идей правовой государственности.

Процесс характеризуется одновременно и новизной, и преемственностью. Новизна состоит в том, что принятая Конституция совершенно нового суверенного государства, отличная от предыдущих; Конституция принята путём референдума, что позволяет говорить о её демократическом и легитимном характере; она впервые в истории провозглашает Россию в качестве правового и социального государства.

Преемственность же данного процесса выражается в следующем: мировая идея правового государства без колебаний воспринята российскими общественно-политическими и официальными структурами, юридической и научной общественностью; в Конституции, других законода-

¹ <https://www.globalpolicy.org/compoNeNt/coNteNt/article/177/31603.html>.

тельных актах и научных разработках прослеживается тенденция сохранения достижений прошлого, причём как дореволюционной, так и Советской России.

Для России путь к правовому государству не был и никогда не будет простым и быстрым. Причин тому много.

Во-первых, гражданское общество в нашей стране ещё только формируется, его структура аморфна, нестабильность общественных отношений порождает у населения безразличие к решению соответствующих проблем. Процедура перехода от сложившейся социальной культуры к новой болезненна и требует времени, к тому же у многих в настоящее время отсутствует чёткая социальная самоидентификация.

Во-вторых, экономические проблемы решаются дискретно и непоследовательно с точки зрения здравого смысла и формальной логики, в результате чего мы имеем однобокость процессов разгосударствления и приватизации, отсутствие среднего класса собственников, рост люмпенизированного слоя населения, поляризацию доходов социальных групп и слоёв населения и т. д.

В-третьих, налицо кризисное состояние российской политической системы, а именно: нестабильность и неопределенность властных отношений, политическая неструктурированность общества, затянувшийся процесс реализации принципа разделения властей, низкий уровень политической культуры населения в целом и власть имущих в частности.

В-четвёртых, до сих пор требуют своего разрешения чисто правовые вопросы. Причём наличие противоречивого законодательства, спешка при издании нормативно-правовых актов и даже принятие неправовых законов – это не самое главное. На наш взгляд, более сложными являются вопросы понимания и усвоения права широкими слоями населения, внедрения в позитивные законы естественно-правовых начал, формирования устойчивых правовых традиций в массовом сознании, стимулирования правового самосознания¹.

Россия провозгласила создание правового государства, что и нашло отражение в ее действующей Конституции, однако это не означает, что цель уже достигнута. У нас еще не сформировалось развитое гражданское общество, не отлажена система сдержек и противовесов, не стали незыблемыми права и свободы граждан. Поэтому следует различать концепцию правового государства и существующую государственно-правовую ре-

¹ Петров А. В. Теория государства и права: учебное пособие. Челябинск, 2002. С. 134.

альность. Правовое государство относится к миру идей, которые преобразуют действительность. Идея правового государства – это общественный идеал в праве, которому не вполне еще соответствует политico-правовая жизнь в России на современном этапе. Любой идеал может быть недостижим в полной мере, как недостижимо человеческое совершенство. Но сама эта идея прогрессивна, так как является побуждающим мотивом к движению вперед, к совершенствованию существующего государства и его взаимоотношений с личностью, к созданию должного правового порядка, социального прогресса¹.

Таким образом, ставя задачу формирования правового государства в российском обществе, мы не должны идеализировать, а тем более копировать устоявшуюся на современном Западе модель правового государства. Разработка концепции правового государства как наиболее полно соответствующей обществу цивилизованной формы организации политической государственной власти предполагает не только отрицание устоявшихся догм, но и использование общечеловеческих ценностей при анализе путей формирования в обществе устойчивого правопорядка, законности и конституционности, места и роли правоохранительных органов в системе расширяющегося народного самоуправления, утверждение во всех сферах жизни плюрализма мнений и суждений, словом, обеспечение всестороннего развития личности в условиях социальной справедливости.

Определяющим является то, какое место отведено человеку, его правам и свободам, системе ценностных координат общества и государства, какие возможности предоставлены для самореализации и развития, что и определяет преимущества и перспективы той или иной социально-политической системы.

¹ См.: Кутафин О. Е. Основы государства и права: учебное пособие для поступающих в юридические вузы / под ред. академика О. Е. Кутафина. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2000.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общество представляет собой сложную, непрерывно развивающуюся социальную систему, характеризующуюся наличием множества разнообразных общественных отношений. Мы можем рассматривать социум как «более или менее устойчивый баланс сил, конфликтов и соглашений, соперничества и сотрудничества» только при условии достаточной согласованности между поведением индивида и его социальной средой, когда удовлетворение людьми своих индивидуальных потребностей не входит в резонанс с интересами и задачами общества.¹ Достижение необходимого порядка требует наличия в обществе особого государственно-правового механизма, призванного обеспечивать и поддерживать стабильность и непрерывность его функционирования как целостной социальной системы.

Современному обществу свойственнаrationально-правовая форма власти – система, при которой люди следуют обезличенным правилам, нормам и принципам. Высказываются мнения, что решение проблемы современного правового регулирования общественных отношений в нашей стране вряд ли может быть достигнуто без учета исторически сложившихся особенностей российской ментальности². Правовые нормы бессильны, если они не опираются на национальную культуру, на ее идеалы, святыни, верование. Российское общество всегда строилось на воспитании в человеке, прежде всего, твердого осознания своих религиозных, гражданских и семейных обязанностей. Философия права в России утверждала, что исправление правовых пороков возможно лишь на путях духовного очищения. Вместе с тем возвышение религиозно-нравственного начала при игнорировании и даже принижении роли правового может оказывать обратно пропорциональное воздействие, способствуя развитию нигилистических настроений в правовом понимании, что имеет негативные последствия для стабильного функционирования социального организма.

Слабое понимание значимости права для социального бытия, пренебрежительное отношение к государственному закону

¹ Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. проф. В. М. Корельского и проф. В. Д. Перевалова. М., 2000. С. 31.

² Павкин Л. М. Проблема правового регулирования общественных отношений и российская ментальность // Право и культура: проблемы взаимосвязи. Ростов-на-Дону, 1996. С. 52.

характеризовало почти всю русскую общественную мысль вплоть до середины XIX века. Славянофилы А. С. Хомяков и И. В. Киреевский были убеждены в невозможности регулирования общественных отношений в России на основе формального права. Ключевым понятием для славянофилов было понятие «соборность» как органического единства христиан на основе православия как истинной веры, основанной на христианских принципах любви и братства. Из того, что в ожидаемом Царствие Божием не будет юриспруденции, делался вывод о том, что и в земных условиях на нее не следует обращать особого внимания.

Но очевидно, что все человеческое общество не может находиться в таком общении, как все общество не может состоять из одних христиан, тем более что и сами христиане очень различаются. «Необходимо раз и навсегда понять и убедиться, что общественная жизнь невозможна вне порядка, т. е. вне устойчивой правовой организации; что разрушить эту организацию легко, а создавать трудно. Тяготение к порядку и организации подсказывает народу чувством самосохранения, ибо можно с уверенностью сказать, что народ, оказавшийся без организованного порядка, или создаст его, или погибнет», – так писал великий русский философ И. А. Ильин¹.

Отношения государства и общества должны определяться через призму взаимодействия государственных институтов с общественными группами, в которых ключевыми аспектами отношений являются вопросы осуществления государственной власти и влияния на нее людей. Подобные отношения сосредоточены на таких вопросах, как определение взаимных прав и обязанностей государства и общества, переговоры о том, как следует распределять государственные ресурсы, и установление различных способов их представления и отчетности.

Основное внимание уделяется не конкретным институциональным формам, а скорее отношениям и реляционным функциям государства и общественным институтам. Ни государство, ни гражданское общество не рассматриваются как действующие в изоляции. Скорее государство получает свою легитимность через взаимодействие с гражданами².

Построение правового государства возможно обеспечить лишь посредством признания закона неоспоримой ценностью. Закон по

¹ Ильин И. А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 212.

² Topic guide supplemeNt.State-Society RelatioNsаNdCitizeNshipiNSituatioNs of CoNflictaNd Fragility.HumaHaider // www.gsdrc.org.

отношению к политике может выступать в следующих основных аспектах, а именно как цель или препятствие. Во-первых, политика может определять преимущественно юридические ценности или институты как его цель. В этом случае политическое понимание этих ценностей или институтов становится практически идентичным. Во-вторых, политика может понимать закон просто как средство для выполнения определенных политических интересов. В этом случае политика нейтральна в своем отношении к закону. Наконец, политика может интерпретировать закон как препятствие на пути к реализации определенных политических целей. В этом случае ситуация либо политика преобладает над законом, либо наоборот. Государство осуществляет свои решения за счет верховенства закона, в то время как во втором случае автономия права сохраняется посредством решения высших судов или других действий, предпринятых правозащитниками, какими-либо организациями, чтобы остановить незаконные действия политических деятелей. Закон и политика создают свои особенности картины реальности. Иногда они совпадают, иногда отличаются. Тем не менее закон никогда не должен включать в себя дифференциацию по политическому принципу. Это приводит к разделению внутри общественных слоев и наносит ущерб автономии верховенства права.

С политикой необходимо связаны три основных измерения: институциональное измерение, нормативное измерение и измерение, связанное с процессом. Институциональное измерение выражается через государственную и влечет за собой деятельность различных регулируемых государством институтов, таких как политические партии, общественные движения, общественные СМИ, законодательные органы и правительство. Нормативное измерение выражается термином «политика» и влечет за собой создание нормативных идей или идеалов, которые определяют основные социальные ценности и цели, направленные на практическую реализацию. Наконец, измерение, связанное с процессом, выражается в формировании политической воли через реализацию социальной власти и строится на основе конфликтов и договоренностей.

Если попытаться кратко проанализировать закон с помощью вышеупомянутых трех измерений, мы можем видеть, что с институциональной точки зрения, закон выражается в первую очередь через два фактора: создание конкретных государственных органов,

(например, суды и прокуратура), а также негосударственных учреждений, к которым относится, например, адвокатура¹.

Общеприято полагать, что российскому менталитету в определенном смысле не хватает западного рационально-рассудочного отношения к закону. Попытки искусственной дополнительной легитимации права, скорее, подрывают авторитет права. И очень важно воспитание в человека определенного уровня правового сознания с позиции признания права самостоятельной ценностью. Безусловно, право не может поддерживаться лишь принуждением, запретами, силой. Но право как компонент культуры естественным образом синкретизируется с ее нравственными, религиозными, эстетическими элементами, тем самым выступая в тесной связи с образом жизни того или иного народа.

¹ MiroCerar. The Relationship Between Law and Politics. Annual Survey of International & Comparative Law // <https://digitalcommons.law.ggu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1126&co&text=annlsurvey>.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Нормативные правовые акты:

1. Конституция Российской Федерации. М. : Юрид. лит., 2015.
2. О референдуме Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ (ред. от 18.06.2017) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.
3. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ (ред. от 31.01.2016) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.
4. О средствах массовой информации: Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 18.04.2018, с изм. от 17.01.2019) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.
5. Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации: федеральный закон от 27.12.2018 № 501-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.
6. О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»: федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.
7. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.
8. О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации: закон РФ от 25.06.1993 № 5242-1 (ред. от 27.12.2018) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.
9. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях: федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ (ред. от 11.10.2018) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

10. О свободе совести и о религиозных объединениях: федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 05.02.2018) // Собрание законодательства РФ. 29.09.1997. № 39. Ст. 4465.

11. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 7. Ст. 776.

12. Об общественных объединениях: федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 20.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.

13. Об Общественной палате Российской Федерации: федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ (ред. от 05.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 15. Ст. 1277.

14. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 28.11.2015) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6725.

15. Свод учреждений и уставов управления духовных дел христианских и иноверных иностранных исповеданий // СЗРИ. Т. XI, Ч. 1. Ст.ст. 4–5. Изд-е 1896 г.

16. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти томах / под общ.ред. О. И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1988. Т. 6. С.214–232.

17. Устав о предупреждении и пресечении преступлений 1876 г. // СЗРИ. Т. XIV. Изд-е 1896 г.

2. Учебная, научная литература:

1. Аленькин И. В. Право общественных объединений // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 8. С. 3–7.

2. Арпентьева М. Р., Горелова И. В., Лепетухина Е. В. Проблема осуществления полномочий: указы и распоряжения Президента Российской Федерации // Адвокатская практика. 2018. № 6. С. 5–9.

3. Антонов Я. В. Проблемы содержания универсальных демократических прав в системе электронной демократии // Российская юстиция. 2017. № 3. С. 50–53.

4. Ахъядов Э. С. – М. К вопросу о категории конституционно-правовой ответственности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации на со-

временном этапе // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 9. С. 29–32.

5. Бердников И. С. Краткий курс церковного права Православной Греко-российской церкви. Казань : Тип. Имп. Ун-та, 1888.

6. Бондарчук И. В. Объединение граждан как юридическая категория: судебно-конституционный опыт стран СНГ и современные перспективы законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4. С. 182–190.

7. Блинов А.Б. Принцип выборности и периодической сменяемости Президента в РФ // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 11. С. 51–56.

8. Вилова М. Г. Право на справедливое судебное разбирательство в системе прав нового поколения // Российская юстиция. 2018. № 1. С. 51–53.

9. Гриб В. В. Президент РФ – объект общественного контроля? // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 8. С. 34–36.

10. Гриб В. В. Место и роль общественных палат в системе общественного контроля в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 5. С. 33–38.

11. Гончаров В. В., Поярков С. Ю. Модель современной «русской власти»: условия паритетности // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 3. С. 25–29.

12. Гончаров И. В. Особенности функционирования механизма государственной власти современной России: традиции и зарубежный опыт // Lexrussica. 2018. № 11. С. 145–150.

13. Гончаров В. В. Проблемы организации и деятельности Общественной палаты Российской Федерации // Современное право. 2010. № 4. С. 50–54.

14. Громов В. Г. Институт отрешения от должности в связи с утратой доверия Президента Российской Федерации // Современное право. 2016. № 10. С. 32–38.

15. Гунич С. В. Ответственность Президента Российской Федерации как основа функционирования системы органов государственной власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 3. С. 25–30.

16. Егорова Т. И. Некоторые вопросы ограничения правового статуса личности в современном обществе // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 9. С. 20–24.
17. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. Ленинград: Эго, 1991. Т. 1.
18. Ильин И. А. О сущности правосознания: монография / М.: Парогъ, 1993.
19. Исаева А. А. Признаки светского государства и особенности их реализации в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 9. С. 28–34.
20. Историческая переписка о судьбах православной церкви. М.: Издательство: тип.т-ва И. Д. Сытина, 1912.
21. Карасев А. Т., Мещерягина В. А. Соотношение конституционного права на обращение с политическими правами и свободами // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 3. С. 66–70.
22. Костюков А. Н. Исчезающее народовластие... // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 8. С. 61–64.
23. Кутафин О. Е. Основы государства и права: учеб.пособие для поступающих в юридические вузы / под ред. академика О. Е. Кутафина. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2000.
24. Кудрявцев М. А. Информационные права личности: проблема институциональных гарантii // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 6. С. 26–30.
25. Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами. Полит.ру [Электронный ресурс] <http://polit.ru/article/2008/06/02/rusvalues/>
26. Назаров Д. Г. Свобода мысли в сфере деятельности СМИ в России: понятие, содержание и реализация // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 11. С. 80–86.
27. Нигматуллин Р. В. О противодействии угрозам и вызовам с позиции современного международного права // Юридический мир. 2016. № 11. С. 54–58.
28. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. Вып. 1. Изд. 5-е. Берлин, 1922.
29. Новгородцев П. И. Сочинения. М.: Раритет, 1995.

30. Павкин Л. М. Проблема правового регулирования общественных отношений и российская ментальность // Право и культура: проблемы взаимосвязи. Ростов-на-Дону, 1996. С.51–56.
31. Петров А. В. Теория государства и права: Учебное пособие. Челябинск: ЮУрГУ, 2002.
32. Прокофьев В. Н. Вызовы президентализма и перспективы развития демократии в России // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 9. С. 21–31.
33. Победоносцев К. П. Государство. Церковь. Общество. Избранные статьи М.: Юрайт, 2019.
34. Русская Православная церковь и право: комментарий: законодательства / под ред. М. И. Ильичева. М.: БЕК, 1999.
35. Русская философия права /сост. А. П. Альбов, Д. В. Масленников, А. И. Числов, С. В. Филиппова. СПб.: Алетейя, 1999.
36. Сабаева С. В. Система конституционных ценностей, прав и свобод человека в Российской Федерации как основа проведения мониторинга состояния их защищенности // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 2. С. 12–19.
37. Свистунова Л. Ю. Правотворческая инициатива граждан как форма взаимодействия органов местного самоуправления и институт гражданского общества // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 3. С. 70–76.
38. Солженицын А. И. Двести лет вместе: в 2 ч. М.: Русский путь, 2001. Ч. 2.
39. Соловьев В. С. Оправдание Добра. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1.
40. Таболин В. В. Латентные ограничения прав граждан в Конституции Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 2. С. 31–33.
41. Тарабан Н. А. Местное самоуправление в России: институт гражданского общества или ступеньластной вертикали? // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 3. С. 44–49.

42. Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. проф. В. М. Корельского и проф. В. Д. Перевалова. М., 2000.
43. Троицкий В. Ю. Традиции земского просветительства и современная школа // Земский вестник. 1995. № 6. С. 18–28.
44. Чеботарев Г. Н. Общественное представительство как разновидность представительной демократии // Российский юридический журнал. 2017. № 6. С. 70–80.
45. Чеботарев Г. Н. Правовые механизмы формирования представительных общественных органов – носителей общественной власти // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 1. С. 37–41.
46. Шадрин С. А. Содержание права на неприкосновенность частной жизни по российскому и европейскому законодательству // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9. С. 208–217.
47. Широбоков С. А. Конституционное право граждан на обращение в системе правового регулирования взаимодействия граждан и органов государственной власти и управления // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 2. С. 158–164.
48. Щеглов В. Г. Нравственность и право в их взаимных отношениях. Ярославль: Типо-лит. Г. Фальке, 1888.
49. Ященко А. С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1912.
50. Нок А. Д. Наш враг, государство / <http://translatedby.com/you/our-enemy-the-state-1935/into-ru/trans/>
51. Franz Oppenheimer, The State (New York: Free Life Editions, 1975 [1914], p. XXXIII.
52. Miro Cerar. The Relationship Between Law and Politics. Annual Survey of International & Comparative Law // <https://digitalcommons.law.ggu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1126&context=annalsurvey>.
53. <http://grachev62.Narod.ru/lock/content.html>
54. <http://kulturoznamie.ru/politology/pravovoe-gosudarstvo-i-grazhdanskoe-obshchestvo/>
55. <http://www.independent.org/publications/article.asp?id=237>
Defining State and Society

56. <https://www.globalpolicy.org/component/content/article/177/31603.html>

57. Topic guide supplemeNt. State-Society
RelatioNs aNd CITIZENship iNSituatioNs of CoNflictaNd Fragili-
ty. HumaHaider // www.gsdrc.org.

58. М. Ротбард. К новой свободе /http://www.ereadiNg.club/bookreader.php/140838/K_Novoii_svobode%3A_LibertariaNskiii_maNifest.pdf.

Учебное издание

**Каримов Рим Римович
Бондаренко Юлия Викторовна**

**ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО: ФОРМИРОВАНИЕ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НА ПУТИ К ПРАВОВОМУ
ГОСУДАРСТВУ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)**

Учебное пособие

Редактор Л. Т. Курбанова.

Подписано в печать	10.06.2019	
Гарнитура Times		Формат
Уч.-изд. л. 3,3	Заказ № 14	Усл. печ. л. 3,5
Тираж 50экз.		

*Редакционно-издательский отдел
Уфимского юридического института МВД России
450103, г. Уфа, ул. Муксинова, 2*

*Отпечатано в группе полиграфической и оперативной печати
Уфимского юридического института МВД России
450103, г. Уфа, ул. Муксинова, 2*